

Принять на свои плечи

В эти победные майские дни Герой Социалистического Труда поэт Михаил Дудин размышляет о мире, о долге и ответственности человека перед Отечеством

— Михаил Александрович, у каждого при слове «Родина» возникают свои ассоциации. Из чего для Вас складывается это понятие?

— Некоторое время назад мне довелось побывать на Камчатке, Сахалине, в Хабаровском крае, объехать весь Дальний Восток и посмотреть на нашу страну с той стороны, откуда восходит солнышко и где задается ритм каждого нашего дня. Но вместе с тем у меня есть и свое, данное мне от рождения понятие целого, которое начинается «в спокойном Широковском сельсовете, на мелководной Молокте-реке, на левом берегу, стоит мирская, обхвата в три зеленая сосна — вот там и протела золотая младенчества веселая весна...»

В моей юности тоже были комсомольские стройки: например, в 1935—1936 годах я работал на сооружении Баксангэс. Признаться, тогда мне казалось: громадная станция! А недавно побывал там и ощутил: по сравнению с нынешними плотинами — спичечный коробок. Но ведь этот мой «коробочек» до сих пор дает свет всему Северному Кавказу... Так постепенно понятие Родины расширялось... А потом — две войны, блокада, оборона Ханко — все как-то было связано с Ленинградом, и здесь столько было оставлено: и других жизней, и собственной души, что главной родиной для меня в конце концов стал город, названный светлым именем Ленина.

А затем начались поездки... Исколесил всю Европу, бывал в Южной Америке, Африке (в Сенегале даже проводил первый Пушкинский праздник), и постепенно появилось ощущение, что, как говорил Есенин: «И вся земля — нам мать». Так, впрочем, наверное, и должно быть у всякого современного человека. Потому что все проблемы, волнующие современное человечество, особенно те, что связаны с самой землей, глобальны, и, наверное, для того, чтобы сохранить нашу землю, прародительницу всего живущего, каждому человеку необходимо отчетливо понимать, что он прежде всего сын земли...

Наш век — век больших обещаний между народами, век колоссальных катастроф и в то же время еще и век надежд, обещающих большие сдвиги в области сближения людей на земле. Получилось вроде бы парадоксально: я, по сути дела солдат, стал председателем Ленинградского областного комитета защиты мира. А впрочем, наверное, ничего удивительного тут и нет, потому что тогда, в ту войну, мы ведь воевали против мирового зла XX столетия — против фашизма. Отстаивая свою Родину, мы утверждали мир во всем мире. И, пожалуй, эта моя общественная работа началась не несколько лет назад, когда я занял этот пост официально, а много раньше, сразу же после войны, ибо уже тогда хорошо

понял, что рука в этом деле нужна крепкая, надежная, что борьба за мир — может быть, самое главное дело гражданина моей Родины.

— Михаил Александрович, вот Вы сказали: «Гражданин моей Родины». А как Вы понимаете гражданственность в поэзии и в жизни?

— Двести с лишним лет тому назад жил Михайло Ломоносов — астроном, геолог, математик, физик, химик, историк, лингвист, поэт... В одном человеке прямо-таки фантастически соединилась просвещенность времени. А сейчас в науке идет дробление: физик-теоретик, физик, занимающийся галактикой, элементарными частицами, и так далее... Вместе с дроблением науки, на мой взгляд, идет и дробление человеческой души. И в литературе — тоже явное дробление. Был Пушкин: он и для детей писал, и прозу, и драму, и стихи... И послание в Сибирь, и послание Керн... Это была одна личность! А теперь: этот писатель — для детей, тот — поэт-песенник, третий — писатель-сатирик... Мне кажется, что такое дробление таланта, приспособление его к какой-то определенной «отрасли» обедняет художника. Лично для меня, например, никогда не существовало резкой грани между лирикой любовной и лирикой гражданской. Так всегда было и у Ярослава Смелякова, и у Ольги Берггольц... Поэт — прежде всего характер.

Опять-таки вернемся к Пушкину. С одной стороны, «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!», с другой — «Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим». Клянусь: для меня тут существенного различия между первыми и вторыми стихами не существует, потому что это — выражение характера одной человеческой души, одного человеческого гения. Умению понимать время нам надо учиться у Пушкина. И в этом умении чувствовать время во всех проявлениях человеческого характера, видимо, и заключается высокая гражданственность искусства.

— Вы много ездите, много видите... Были, наверное, и встречи, когда Вы с особой остротой ощутили гордость за свою поэтическую профессию...

— Поэт, по-моему, — это совсем не профессия. Поэт — это судьба. Рассматривая поэзию как профессию, некоторые критики тем самым ее принижают, а главное, усугубляется непонимание поэзии и ее предназначения. Поэзия — вещь редкая, и время обязательно выбирает своего Поэта, а он наполняет время смыслом...

Из многочисленных своих поездок я давно уже вынес ощущение: искусство надо понимать, особенно в наше время, когда для нас крайне важен нравственный стержень человека, его духовный мир. Потому что, чем больше мы будем делать каких-нибудь гениальных открытий

в науке и технике, тем большая на человеческие плечи будет ложиться ответственность за этот мир. И дабы это познание нести в жизнь достойно, применительно к окружающей нас природе, окружающему миру — человек должен обладать очень основательным нравственным стержнем, строительством которого призвано заниматься искусство... Не знать или не понимать искусство — это, на мой взгляд, даже хуже, чем его ненавидеть. А цинизм — самый мерзкий распад; распад нравственного стержня человека, распад его духа...

— У Вас вышло немало книг-переводов: Аветик Исаакян, Николай Бараташвили, Сильва Капуткиня, Мустай Карим, Кайсын Кулиев... Наверное, для поэта переводы тоже внутренняя потребность?

— В детстве у моего дедушки было несколько книг: «Жития святых», Никитин, Некрасов, Пушкин и Жуковский. Однажды, уже взрослым человеком, я задумался о завидной судьбе Василия Андреевича Жуковского. Мы знаем о нем: «Учитель Пушкина» — и это, конечно, прекрасно. Но сказать о Жуковском только так — мало, ведь три четверти своего таланта он совершенно сознательно затратил на то, чтобы познакомиться тогдашнюю русскую читающую публику с образцами мировой поэзии. И он отлично справился с этой задачей.

Вот почему, на мой взгляд, в наше время, когда происходит естественный процесс общения народов, культур, очень важно каждому современному поэту в силу своих способностей, ответственности перед временем заниматься переводами.

Вспомните: в основе русского искусства прошлого века лежали гуманистические идеи, мысли о мировой гармонии, высказанные Пушкиным. В искусстве первых лет Советской власти и гражданской войны — тоже идеи мировой революции и мировой гармонии. И в основе нашего искусства периода Великой Отечественной войны — опять та же идея: идея разгрома фашизма, связанная со счастьем всего человечества. Так и сейчас, на мой взгляд, поэт может возвеличить искусство, посвятив свой талант, скажем, теме сохранения мира. Художник просто обязан жить теми высокими идеями, которыми живут современники.

— Кого из друзей своей юности Вам бы особенно хотелось видеть рядом с собой сегодня?

— Меня судьба не обидела — ни на учителей, ни на друзей. Судьба определена была ко мне щедро. Например, среди тех, кто меня учил и с кем я дружил, был Николай Семенович Тихонов. Всегда завидовал его работоспособности, его умению понимать время. Ведь еще в тридцать шестом году он выпустил книгу «Тень друга», предупреждающую о катастрофе: «... что чайки, рея в высоте, вдруг флотом смер-

ти обернутся...» Или такие стихи, написанные в сороковом: «Я слушаю — какая в мире тишь. Четвертый день уже горит Париж...» Или другие строчки, сложенные тогда же: «Я хочу, чтоб в это лето, в лето, полное угроз, синь военного берега не коснулась ваших кос, чтоб зеленая куртки пламя не одело б ваших плеч, чтобы друг ваш перед вами не посмел бы мертвым лечь». И вот судьба свела меня с таким человеком! Первые свои стихи, которые я прислал Николаю Семеновичу с полуострова Ханко, он напечатал в «Звезде».

А на Ханко был рядом со мной другой удивительный человек — Борис Иванович Пророков. Художник с неповторимым стилем — вспомните хотя бы, как он выразил в рисунке образ нашей Родины: женщина с винтовкой за плечами кормит грудью ребенка... Потом этот образ варьировали многие, но открыто его Пророков! Он умел подмечать в этой жизни решительно все и в пстом обобщал, доводя до символа.

Как-то на Ханко шли мы с Борисом Ивановичем, вдруг он нагнулся и поднял доску: «Возьму ее с собой». — «Зачем?» Пророков повернул доску ко мне, и я прочел: «Улица Маяковского». «Понимаешь, — улыбнулся он, — как это здорово: на Ханко — улица Маяковского! Обязательно передам ее в музей поэта». И сунул доску в вещевой мешок... Представьте только: враг был под Москвой, Ленинград — в блокадном кольце, а художник думал о том, что надо обязательно, через все смерти пронести эту доску на Большую землю. А то, что мы поведем, — это для него было вне всяких сомнений! И не только для него. Вот почему, в частности, мы и победили...

Или такой еще был у меня друг — Георгий Суворов. Он служил в Панфиловской дивизии, потом после ранения попросился на Ленинградский фронт. Суворов хотел взять в редакцию, а он хотел быть только боевым офицером и остался командиром взвода. В сорок четвертом, когда уже началось наступление и наши войска дошли до Кингисеппа, он, помню, вырвался на денек в Ленинград. Пошли мы с ним в филармонию на концерт. А потом, садясь в машину, Георгий сунул мне листок бумаги. Я положил листок в карман... Вскоре пришло сообщение, что Суворов погиб. Достал я этот листок, развернул и увидел стихи, которые заканчивались так: «В воспоминаньях мы гужить не будем. Зачем туманить грустью ясность дней? Свой добрый век мы прожили, как люди, и для людей...»

Так мой друг сумел соединить прошедшее с грядущим, и эти изумительные строки могут служить эпиграфом к судьбе всего нашего военного, фронтового поколения.

Беседу вел Л. СИДОРОВСКИЙ.

1 1 МАЯ 1982
СОВЕТСКИЙ ПУБЛИЦИСТ
г. Москва